

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 947
ББК 63.3(2)47

В.С. Брачев

НА ПУТЯХ К ДВОРЦОВОМУ ПЕРЕВОРОТУ: ПРОБЛЕМА «МАСОНСКОГО ЗАГОВОРА» НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Обсуждается интерпретация источников по истории политического масонства в России в контексте заговора в 1917 г. Отмечается спорность ряда сюжетов, связанных с принадлежностью к масонству А.И. Гучкова и ряда генералов (М.В. Алексеев, Н.В. Рузский). Однако их участие в антиправительственном заговоре и связь заговорщиков с единым масонским центром (А.Ф. Керенский) можно считать установленными.

Сама по себе проблема масонского заговора против России не нова и возникла ещё в дореволюционные годы. Первопроходцем в разработке этой темы является правоконсервативная русская публицистика, можно сказать, криком кричавшая о неумолимо приближавшейся революции и той роли, которую играли в её подготовке «братья-масоны».

Особого внимания заслуживает широта подхода правоконсервативной публицистики к этой сложной проблеме: помимо масонов, так сказать, «патентованных», то есть прошедших масонское посвящение, она смело включала в ряды «вольных каменщиков» и ряд лиц, формально, быть может, в ложах и не состоявших, но зато масонские идеи полностью разделявших, справедливо полагая, что и те, и другие, борясь с русским самодержавием и его институтами, делают, в сущности говоря, одно и то же масонское дело.

Характерна в этом плане публикация в «Русском знамени» за 6 декабря 1916 г., то есть буквально за три месяца до крушения Империи, большой статьи на эту тему. «Кто же эти масоны? – с растерянной улыбкой на побледневшем лице спросят наши “консультанты” – спросят те, которые спали тогда, когда надо было бодрствовать, – читаем мы здесь. – На этот наивный вопрос можно было бы в ответ написать целое исследование, объёмистую книгу с указанием фамилий и даже адресов палачей Де-

ржавной России. Но это заняло бы много времени, а сейчас дорог, в буквальном смысле, каждый час.

Во-первых, масоны не только те, которые состоят в тех или иных тайных масонских ложах и “посвящены”, но и те, которые доверчиво и покорно идут за своими политическими вожаками и составляют собою послушное Израилево стадо янычар; во-вторых, масоны – это все те, кто дружно и согласно сплочённые, ныне прижали власть к стене и вырывают из её рук правление.

Главные гнёзда этих преступных масонских шаек мы наблюдаем, прежде всего, в обеих так называемых законодательных палатах (то есть в Думе и Государственном Совете. – Б.В.). Во-вторых, в торгово-промышленных и биржевых кругах. И, в-третьих, среди (скажем очень осторожно) высшей интеллигенции...»¹.

На масонство, с горечью отмечает в связи с этим автор статьи, в правящих русских сферах, не говоря уже о широких кругах общества, смотрят «как на что-то забавное, пожалуй, таинственное занятие, с виду быть может и красивое, но по существу совсем не страшное и уж вовсе для государственного бытия не опасное». А между тем государство, можно сказать, на виду у всех, неумолимо движется к своей гибели, и далеко не последнюю роль именно в таком исходе событий играют братья-масоны.

«Если власть не перестанет шататься, если власть не перестанет раболепствовать перед гнездом российского масонства – Государственной думой, если власть ... не разбудит свою инициативу, дабы защитить исконные интересы России, и этим самым не разобьёт сложные сети роковых политических интриг <...> – песня самодержавной России будет спета»², – пророчески отмечал автор статьи.

День, когда это случилось, – 27 февраля 1917 г. ныне хорошо известен. Не менее известны и основные события, предшествовавшие ему, описанные историками, можно сказать, едва ли не по часам.

Но это всё же чисто внешняя сторона революции. О закулисной же её стороне, связанной с планами оппозиционеров по насильственному отстранению Николая II от власти и той роли, которую сыграли сначала в разработке, а затем и в практическом их воплощении братья-масоны, известно куда меньше.

А между тем стоит напомнить, что именно с этой целью – «борьба за освобождение России» путём объединения усилий в этом направлении всех оппозиционных правительству партий и групп – собственно и создавалась тайная организация русского политического масонства. Сначала (конец 1906–1909 гг.) как ложи «Великого Востока Франции» («Возрождение» в Москве и «Полярная звезда» в Петербурге и др.) в России, а затем, после их коренной реорганизации в 1910–1912 гг., уже в качестве самостоятельного тайного масонского союза «Великий Восток народов России». Официальное его учреждение состоялось летом 1912 г. в Москве.

В партийном отношении костяк организации составляли кадеты. Широко были представлены прогрессисты, трудовики, эсеры и социал-демократы (меньшевики)³.

Всего за несколько лет «Великий Восток народов России» сумел привлечь в свои ряды до 600 человек. За годы войны численность «братьев», правда, несколько сократилась. Однако к 1917 г. в рядах этого тайного ма-

сонского политического союза насчитывалось не менее 400 членов, объединённых в 40 «мастерских»⁴.

И всё это были люди, как говорится, не простые: думцы, профессора, руководители общественных организаций и политических партий, адвокаты, журналисты, представители свободных профессий, финансовых и торгово-промышленных кругов. Одной из наиболее влиятельных лож «Великого Востока народов России» была думская ложа «Розы». В IV Государственной думе в её состав входило как минимум 23 человека⁵. Возглавлял ложу прогрессист И.Н. Ефремов⁶.

Вся организационная и идеологическая работа «Великого Востока народов России» направлялась и контролировалась его Верховным советом во главе с Генеральным секретарём. С лета 1916 г. эту должность занимал А.Ф. Керенский⁷.

«Головку» русского политического масонства накануне 1917 г. составляла тройка его наиболее деятельных членов: Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский и М.И. Терещенко. В 1916 г. к ним добавилось ещё два «брата» – А.И. Коновалов и И.Н. Ефремов, после чего «тройка» превратилась в масонскую «пятерку». Распределение ролей между ними было следующим. Н.В. Некрасов отвечал за связь с либеральной оппозицией; А.Ф. Керенский общался с социалистами и радикалами всех мастей; М.И. Терещенко отвечал за работу среди военных; И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов поддерживали связь с торгово-промышленными кругами. Душой русского политического масонства этого времени был князь С.Д. Урусов, через которого по-прежнему поддерживалась связь с Великим Востоком Франции.

Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Теософское общество во главе с А.А. Каменской, Русское Антропософское общество (председатель Б.П. Григоров), Лига Прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе с Н.А. Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Б.В. Савинков, В.И. Немирович-Данченко, М. Волошин, Вяч. Иванов, профессора М.С. Грушевский, Е.В. Аничков, Н.П. Василенко, С.П. Костычев, М. Таубе, А.В. Карташев, П.Е. Щёголев) широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А.И. Гучков, П. Бурышкин, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, П. Штейнгель и другие.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы, объединившиеся в организацию Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г.Е. Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, М.И. Терещенко. Председателем Центрального военно-промышленного комитета (июль 1915) был избран А.И. Гучков, сразу же взявший курс на превраще-

нии его в центр политической оппозиции царской власти. «Итак, – справедливо отмечает Н.Н. Берберова, – кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союзов, адвокаты, военные, общественники созывали друг друга: их день наставал»⁸.

Первым, кто со всей определённой поставил вопрос о масонских планах насильственного отстранения императора Николая II от власти путём дворцового переворота или, иначе говоря, о существовании накануне революции масонского заговора, а также ведущей роли, которую сыграли масоны в февральско-мартовские дни 1917 г., был эмигрантский историк С.П. Мельгунов⁹. В вышедшей в 1931 г. в Париже сенсационной книге «На путях к дворцовому перевороту» он убедительно показал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 г. руководили две группы или два кружка русских масонов. Во главе одного из них – военного – стоял А.И. Гучков. Другой, гражданский, возглавлял А.Ф. Керенский. Последующие изыскания исследователей позволили во многом уточнить и детализировать картину масонского вхождения во власть в 1917 г.¹⁰. Но честь первопроходца в исследовании темы принадлежит, безусловно, С.П. Мельгунову.

Конечно, сами масоны как непосредственные участники описываемых событий отнюдь не стремились афишировать решающую роль своего присутствия в них. Так, правда уже в советское время, в своих показаниях в НКВД СССР в июле 1939 г. бывший Генеральный секретарь Верховного совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасов всячески подчеркивал, что надежды либералов на масонство как действенный инструмент политической борьбы с самодержавием оказались крайне преувеличенными. Но и он вынужден был признать «некоторую роль», сыгранную этой масонской организацией, как в период подготовки революции, когда она была своеобразным «конспиративным центром народного фронта», так и в первые дни Февральской революции, когда именно она помогла объединению «прогрессивных сил под знаменем революции». «В Петрограде и в Москве встречи деятелей социал-демократической и социал-революционной партии с представителями левых кадетов и прогрессистов стали, – по его словам, – последние месяцы перед революцией постоянным правилом»¹¹. Преобладали на них левые настроения и основным лозунгом здесь была республика. «Большинство участников этих встреч (о них есть упоминание и в книге Суханова) оказались виднейшими деятелями Февральской революции. А их предварительный стовор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе Февральской революции. Велась даже некоторая техническая подготовка, но о ней долго говорить», – дипломатично отмечал Н.В. Некрасов¹².

Что это была за техническая подготовка, мы ещё выясним. Но сначала об общей атмосфере, господствовавшей в масонских ложах в 1915–1916 гг. Характерной особенностью её была, говоря словами А.Я. Гальперна, «ненависть к трону, к монарху лично»¹³. С.П. Мельгунов приводит в своей книге следующий примечательный факт. Принимали в масонскую ложу командира Финляндского полка В.В. Теплова. Один из «братьев» задал ему вопрос о его отношении к планам физического устранения царя. В.В. Теплов не, долго думая, с солдатской прямоотой ответил: «Убью, если велено будет»¹⁴.

Неудивительно что в такой атмосфере левый эсер, масон полковник Генерального штаба С.Д.Мстиславский (Масловский) взял да и предложил осенью 1915 г. братьям «организовать заговор на жизнь государя». Осуществить его, уверял С.Д.Мстиславский, не так уж и трудно, так как «имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства»¹⁵. То, что убийству царя в «братской» среде обрадовались бы многие, сомневаться не приходится. Но сами масоны в таком опасном деле как истинные интеллигенты «светиться» не желали. Самое любопытное в этой истории – это то, что от своего собственного имени действовать С.Д. Мстиславский почему-то не захотел, решив непременно испросить на это разрешения Верховного совета ВВНР. Дай ему Верховный совет такое разрешение, и членам его наверняка не миновать бы Сибири. Однако здесь, как оказалось, сидели совсем не глупые люди. Они быстро сообразили, что кроется за предложением С.Д. Мстиславского.

«Прений о нём совсем не было, – свидетельствовал А.Я. Гальперн. – Было только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства. В персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно»¹⁶. Больше на заседании ложи С.Д. Мстиславский, которого подозревали в провокации, не появлялся. Все контакты «братьев» с ним были прерваны. Однако, скорей всего, провокатором, С.Д. Мстиславский – участник Февральской и Октябрьской революции, известный советский писатель – всё же не был и действовал он вполне искренне. Но «братьев» он всё-таки здорово напугал.

История с С.Д. Мстиславским ясно показывает, что идея военного заговора носилась в масонских кругах в 1915–1916 гг., можно сказать, в воздухе. Любопытно, что этот же вопрос о необходимости подготовки государственного переворота ставил осенью того же 1915 г. на заседании Бюро Прогрессивного блока другой масон, правда французского обряда, – В.А. Маклаков¹⁷. Однако, формально «политического заговора как сознательно поставленной цели в программе нашей работы не стояло, – подчёркивал А.Я. Гальперн, – и если бы кто-то попытался в задачи организации такой заговор внести, то это вызвало бы протест со стороны многих». В то же время и он вынужден признать, что был среди братьев и «целый ряд лиц, из них часто очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись»¹⁸. Понять это можно только так: формально выдвинуть идею антиправительственного заговора Верховный совет ВВНР не решился. Неофициально же разработка таких планов с его ведома велась, но уже не от имени организации, а якобы исключительно по личной инициативе отдельных частных лиц.

«Тем не менее, – пишет в связи с этим исследователь А.И. Серков, – даже среди масонов ложи Верховного совета стали считать центром заговора, что привело к глубокому кризису Великого востока народов России в 1915 г.»¹⁹. Отрицать, что в Верховном совете действительно рассматривались планы по устранению от власти Николая II, не позволяет свидетельство масона Н.С. Чхеидзе «Переворот, – свидетельствовал он, – мыслился руководящими кругами в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая II и замены его. Кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила.

В этот период Верховным советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту. Помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного совета. Помню сборы денег для такого переворота»²⁰.

Правда, после протеста украинских масонов прямая подготовка дворцового переворота со стороны Верховного совета была прекращена, и центр заговора переместился в группу А.И. Гучкова – А.М. Крымова²¹, якобы действовавшую уже исключительно на свой страх и риск. Но и «гражданский кружок», как называл Верховный совет П.Н. Милюков, продолжал свою деятельность по подготовке заговора. Важное заседание его состоялось в сентябре 1916 г. на квартире кадета М.М. Фёдорова с участием П.Н. Милюкова и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. Тон на нём задавали А.И. Гучков, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко, отстаивавшие в своих выступлениях план насильственного отстранения от власти Николая II и передачи её наследнику при условии регентства великого князя Михаила Александровича и введения конституционного правления в России.

Еще одним центром зревшего заговора (правда скорее потенциального, чем реального) против царя часто называют кружок князя Г.Е. Львова – А.И. Хатисова со ставкою на великого князя Николая Николаевича Младшего. 22 апреля 1928 г. некто С.П. Смирнов опубликовал в газете «Последние новости» (Париж) рассказ бывшего тифлисского городского головы А.И. Хатисова. 9 декабря 1916 г., свидетельствовал А.И. Хатисов, после закрытия полицией V съезда представителей городов на квартире князя Г.Е. Львова состоялось секретное совещание. Присутствовали Н.М. Кишкин, М.М. Федоров, А.И. Хатисов и другие. Г.Е. Львов предложил собравшимся следующий план действий: Николая II заменить Великим князем Николаем Николаевичем, который сразу же объявит о введении в стране ответственного министерства. Очевидно, что именно с этими разговорами и возникла версия о существовании так называемого «Кавказского центра» готовившегося заговора. Однако на самом деле реально этот центр никак себя не проявил. Более того, когда в январе 1917 г. А.И. Хатисов попробовал было заговорить на эту тему с самим великим князем Николаем Николаевичем, тот ответил отказом на предложение возглавить заговор²².

Как бы то ни было, в результате ряда организованных единым масонским центром совещаний оппозиционных деятелей был разработан общий план захвата царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петербурга в Ставку или обратно. После ареста предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича и введения в стране конституционного строя²³.

Роль первой скрипки, как уже отмечалось, играл на этих переговорах лидер октябристов А.И. Гучков. И дело тут не только в авантюрном характере этого политического деятеля. В III Государственной Думе А.И. Гучков был председателем комиссии по государственной обороне, что, собственно, и позволило ему завести обширные связи и знакомства не только в военных, но и в военно-морских кругах. Следует в связи с этим подчеркнуть, что имеющиеся в литературе указания на его принадлежность к масонству, скорее всего верны. А.И. Гучков был принят в масонскую ложу ещё в 1913 г. Решительное же отрицание этого факта самими масонами объясняется

последующей «радиацией» А.И. Гучкова в 1920 г.²⁴, т.е. исключением из масонства – процедура, требующая от «братьев» безусловного отрицания какой-либо принадлежности исключенного к Братству. То, что А.И. Гучков и некоторые другие октябристы вполне могли быть посвящены в масонство, – очевидно. Организовать широкий антиправительственный блок в Думе с последующим прицелом на взятие власти одним кадетам без их поддержки нечего было и думать. А ведь именно ради этого – взятия власти – и создавалась организация политического масонства в России.

Другое дело, что афишировать посвящение некоторых видных октябристов в масонство даже в узком братском кругу никто, похоже, не собирался, и знали о нём немногие. Большой интерес в связи с проблемой масонского заговора представляют т.н. «диспозиции» № 1 и № 2 за 8 и 18 сентября 1915 г. от имени Комитета Народного Спасения в Москве.

В первой из них объявляется о назначении с целью усиления борьбы за права народа штаба «Верховного главнокомандования» в составе князя Г.Е. Львова, А.И. Гучкова и А.Ф. Керенского. Вот её полный текст:

«Диспозиция № 1.

Необходимо:

1) Признать, что война ведется на два фронта: против упорного и искусного врага во вне и (против) не менее упорного и искусного врага внутри.

2) Отделить определенно и открыто людей понимающих и признающих наличность внутренней войны, столь же важной, как и внешняя, от людей, не понимающих или не желающих признать наличность двух войн.

3) Признать, что достигнуть полной победы над внешним врагом немислимо без предварительной полной победы над врагом внутренним.

4) Признать, что полная победа внутри означает публичное и окончательное связующее преклонение всех без исключения лиц в империи перед утверждением: «русский народ есть единственный Державный хозяин Земли Русской», с соответствующими из сего практическими выводами, а именно: право хозяина иметь свое мнение, открыто его высказывать и требовать беспрекословного подчинения его организованной воле.

5) Для успешности борьбы по внутреннему фронту оставить идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными; немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А.И. Гучков и А.Ф. Керенский и, отказавшись при выборе кандидата по признаку личного уважения и прошлых заслуг, назначать исключительно по признакам: а) ясности мышления, б) честности слова и в) твердости воли.

6) Признать, что организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилам военной централизации и дисциплины, совместной с широкой инициативой отдельных частных начальников. Лозунг объединения и борьбы: возвращение в руки хозяина – русского народа в лице его организованного представительства – прав, узурпированных за время его несовершеннолетия его приказчиками.

7) Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права, принять на себя А.И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России.

8) Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусными. Памятуя, что лиц с именами, на которые с упованием взии-

рают армия и народ, никто тронуть не посмеет, эти лица должны произносить своевременно слова и действия, другим недоступные. Коронованные народным доверием и надеждой, они должны принять на себя не только лавры венков, но и их тернии.

9) Мирная борьба разумеет, прежде всего, открытое и всенародное отделение козлиц от овец. Кто за народ, тот должен быть отделен и организован, дабы тверды и организованы были его кадры. Кто против народа, тот должен быть занесен в особый список с занесением его проступков и ответственности за задержку дела обновления России.

10) Сия работа, не касающаяся обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвующих в государственной машине и общественной деятельности, дает возможность определить силы обоих лагерей и в зависимости от этого укажет и способы мирной борьбы.

11) Мирная борьба должна оперировать не методами забастовок, вредных для войны внешней и для интересов населения и государства, а методом отъезда войск, борцов (всех борцов) за народное дело, от какого бы то ни было общения с лицом, удаление которого от государственных и общественных функций декретировано Верховным командованием. В связи с этим все отрицательные (и положительные) поступки лиц у власти должны быть открыто и всенародно «записаны на книжку», с предупреждением, что по окончании войны будет дан приказ «к расчету стройся», и никакие торжества по случаю мира и естественное утомление не [смогут – слово вставлено публикатором] сломать решимости расчет этот произвести по заслугам перед народом и армией. Должно быть твердо установлено, что врагам народа в эту поворотную минуту амнистии не будет в течение 10 лет после заключения мира.

12) Признать, что внешним (важнейшим) фактором успеха или проигрыша внутренней войны представляется пресса и ее повышающее, – правдиво патриотическое – или понижающее – лживо-пошлое – воздействие на массы. Посему: а) перестать сентиментальничать с прессой, руководители которой цинично набивают себе карманы, покупая свои доходы прислуживанием врагам народа; б) подчинить прессу Верховному командованию и требовать ее согласованных действий, несогласных же заставить молчать путем снятия с работы рабочего персонала и объявления бойкота неподчинившихся органов печати.

Пока не представляется желательным развивать далее сии основные решения. Сочувствующие приглашаются заявлять о том вышеуказанным лицам. Из числа этих заявлений будет видно, созрели ли обыватели до сознания неотложной необходимости по-военному организованной, не боящейся света армии для открытой, мирной, но неослабной войны за победу, порядок и права народа. В зависимости от развития событий на внутреннем фронте диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено.

Комитет народного спасения.

Дана в Москве 8 сентября 1915 г.»²⁵.

Второй документ (диспозиция № 2) написан как бы в развитие первого и предлагает «означенным пяти лицам»: А.И. Гучкову, А.Ф. Керенскому, П.П. Рябушинскому, В.И. Гурко и кн. Г.Е. Львову просить А.И. Гучкова принять на себя командование Армией Спасения России против врагов внутренних. Содержание же его следующее:

«Диспозиция № 2

В ответ на резолюции московских съездов земств и городов последовало решение противника: съезды благодарить; депутатии не принимать, парламента немедленно не созывать.

Таким образом, маски сдернуты. Все, даже наивнейшие Ковалевские, Милюковы, Челноковы, Шингаревы, должны, наконец, уразуметь, что они своей компромиссностью подставили русскую общественность под удар, которого следовало избежать.

Противник действует смело и последовательно: имея всю страну и общественное мнение союзников против себя, он наносит общественности удар за ударом. Чем же отвечает на это русская общественность? Руководимая безвольными говорунами, она только ежится и грозит кулаком в кармане. Между тем ответные жесты должны быть сделаны немедленно, ибо без них наступление противника может постепенно повести к потере даже закрепленных с 1905 г. позиций. Кто не понимает этого, должен устраниваться от руководящих ролей.

Посему надлежит:

1) А.И. Гучкову, А.Ф. Керенскому, П.П. Рябушинскому, В.И. Гурко, кн. Г.Е. Львову немедленно собраться в Москве и приступить к организации земского и городского съезда, созываемого частным порядком в Москве на 15 октября с.г.

2) Означенным пяти лицам выработать программу съезда и текст приглашения на оный, разослав его лицам, участие каковых желательно, и предоставив выбор делегатов частным совещаниям земских и городских гласных по всей империи.

3) Твердо установить, объявив об этом через газеты, что съезд предполагается частный, никаких разрешений поэтому не испрашивать, переговоров с противником о нем не вести и инсценировать его под флагом чашки чая у П.П. Рябушинского.

4) Означенным пяти лицам во исполнение п.5 нашей диспозиции № 1 просить А.И. Гучкова принять на себя командование «Армией спасения России» против врагов внутренних. Пополнить состав для формирования штаба в 10 лиц (п.5 дисп. № 1), указание коего Гучкову принимать к исполнению в случае наличности в его пользу трех четвертей голосов. Во всех остальных случаях Гучкову принимать решения под личную свою ответственность, а совету поддерживать его в исполнении оных всемерно и беспрекословно.

5) Означенным 5 лицам после того, как они выработают детали ответного жеста по адресу кабинета, безумно ведущего страну к внутреннему обострению, пригласить редакторов и издателей московских газет и установить контакт между тоном газет и намерениями штаба.

6) Ответный жест по адресу г.г. Горемыкина и кн. Щербатова (по должности ответственного за возникновение проекта восстановления предварительной цензуры и пр.) мог бы заключаться в объявлении им публичного выговора и отрешения от права общения с уважающими себя общественными деятелями (общественный бойкот) наподобие тех мер, коими финляндцы столь успешно боролись с режимом ген. Бобрикова.

7) Штабу следовало бы немедленно по своем сформировании приступить к изучению реальной обстановки театра внутренней борьбы и, блокируясь налево, определить последовательность мер воздействия на “про-

бки”, применение каковых не повредило бы интересам армии и общества, система личного, социального, экономического и психического воздействия на врагов народа: г. Горемыкина, кн. Щербатова, г. Самарина, г. Катенина и т.д.

8) Штабу следовало бы немедленно облечь лицо с достаточным юридическим и практическим опытом, обязанностями «общественного прокурора» и, придав ему в помощь несколько помощников, приступить к составлению обвинительных актов против врагов народного дела, индивидуализируя и конкретизируя их ответственность. Работа написания этих актов должна идти в срочном порядке и быть немедленно опубликованной если не в стране, то за рубежом, у союзников, контакт с которыми штаб должен установить немедленно путем отсылки делегатов в Лондон и Париж.

Комитет народного спасения.

Дана в Москве 18 сентября 1915 г.»²⁶.

Первая из диспозиций известна историкам уже давно: в 1928 г. она была опубликована Б.Кругляковым в «Красном архиве»²⁷. Вторую опубликовал в 1990 г. А.Я. Аврех²⁸. В бумаги департамента полиции эти документы попали после задержания и обыска контрразведкой 6-ой армии французского журналиста – корреспондента журнала «Temps» некоего Шарля Риве. На допросе Шарль Риве показал, что получил он эти документы от гласного Петроградской городской думы издателя журналов «Новое звено» и «Церковно-общественный вестник» А.Н. Брянчанинова. Т.к. дело было слишком серьезное, то допросили 31 декабря 1915 г. и его. Однако Брянчанинов заявил, что он не помнит, от кого он получил эти документы, и рассматривает их как «курью», вследствие чего он якобы и дал их почитать своему знакомому Шарлю Риве. Т.к. сведения о шпионстве Шарля Риве не подтвердились, а отзывы о А.Н.Брянчанинове оказались благоприятными для него, хода этому делу дано не было.

Исходя из этого советский историк А.Я. Аврех заявил, что «показания Брянчанинова не оставляют никаких сомнений в том, что обе диспозиции – плод творчества графомана», лишь случайно попавшие к нему²⁹. Никакого отношения к масонам и их заговорщическим планам, они, по его мнению, не имеют³⁰.

Солидарен с ним и современный московский историк А.В.Шубин. Никакого отношения, по его мнению, «диспозиции» ни к масонам, ни к А.И.Гучкову не имеют и отражают, скорее всего, настроения праволиберальных офицерских кругов³¹. Но вот другой, уже петербургский историк С.В.Куликов держится в этом вопросе прямо противоположного мнения. Правда, о масонах он предпочитает прямо не упоминать. Однако в историческом значении «диспозиций» нисколько не сомневается, рассматривая их как «тайную стратегию общественной контрэлиты», одним из оплотов которой, собственно, и являлся возглавляемый А.И. Гучковым Центральный военно-промышленный комитет³².

К сожалению, исследователя не насторожила принадлежность первоначального владельца этих документов А.Н. Брянчанинова к Прогрессистской партии (член Петроградского отдела ее ЦК), которая вместе с партией Конституционных демократов как раз и являлась основным поставщиком адентов масонских лож в России. Более того, простая справка указывает на А.Н. Брянчанинова, как на активного масона. Правда, в «академическом»

масонском списке проф. В.И. Старцева его фамилия отсутствует³³. Но зато в списке лиц, подозреваемых в принадлежности к масонству, С.Ф. Ивановой он есть³⁴. Как убежденного «деятельного масона, стремящегося действовать на высшее общество», охарактеризовал А.Н. Брянчанинова в своей записке в Департамент полиции (январь 1914 г.) и специально для него освещавший масонскую тему Л.А. Ратаев³⁵.

Таким образом, скорее всего масонские или псевдомасонские (нельзя исключать и этот вариант) диспозиции оказались у А.Н.Брянчанинова далеко не случайно. И конечно же далеко не случайным было и то, что копии их сразу же попали к журналисту-французу. То, что Шарль Риве не был немецким шпионом, это, конечно же, хорошо. Но вот не был ли он масоном, вопрос остается открытым. Ближе к истине здесь был, видимо, все же С.П. Мельгунов, который склонялся к тому, чтобы усматривать во всей этой истории с диспозициями масонские корни. «В чем иначе мозгу, – рассуждал он, – в 1915 г. могла создаться столь необычайная комбинация, которая соединила в одно князя Львова, Гучкова и Керенского. Если предположить, что Львов и Гучков принадлежали к масонству... тайна могла бы до некоторой степени разъясниться... Масонство 1915 г. имело левое направление, – отмечал далее С.П. Мельгунов. – Гучков числился в рядах правых. Однако мне известно об участии в тогдашних ложах людей, которых можно было бы отнести к кругу политических единомышленников Гучкова». В пользу масонских связей князя Г.И. Львова говорит, по его мнению, и факт его активной поддержки «масонской тройкой» Керенский–Некрасов–Терещенко во Временном правительстве.³⁶

Даже если предположить, что никакого «Комитета народного спасения» в Москве в 1915 г. не существовало (а скорее всего так оно и было), одно несомненно: вышли эти документы все таки из масонских или околомасонских кругов и настроения, царившие в этой среде, как и их планы, отразились в них в общем-то верно. В этом собственно и состоит значение «диспозиций» № 1 и № 2 для историка.

Что же касается самой политической атмосферы той поры, то о грядущем перевороте говорили уже не таясь. Как-то в 1916 г. известный масон А.В. Оболенский разговорился со своим знакомым из евреев – служащим Сибирского торгового банка, – и тот взял да и рассказал ему о подготовке в Петербурге заговора против царя. Так случилось, что оказавшись вскоре у лидера октябристов А.И. Гучкова, А.В. Оболенский решил проверить у него справедливость услышанного. «Удивленный подробностями, – пишет он, – моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора и называть его главных участников ... Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нём и другие лица, как генерал Рузский и даже знал о нем А.А. Столыпин, (брат Петра Аркадьевича) ... Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэра Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него»³⁷. Однако главную ставку масонские заговорщики делали всё же на армию. «Незадолго до Февральской революции, – отмечал Н.В. Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 г., – начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг

А.И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других) – и с нею завязалась организационная связь»³⁸. Готовилась и специальная группа в селе Медведь Новгородской губернии, где стояли запасные воинские части. Она-то, судя по всему, должна была сыграть решающую роль в аресте царя.

Что касается «нащупанной» масонами группы оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, то не приходится сомневаться, что речь здесь идёт о вовлечении их в уже упоминавшуюся нами Военную ложу. «Есть упоминания о создании в Петрограде Военной ложи с участием А.И. Гучкова, В.И. Гурко, А.А. Половцева и ещё человек десяти высокопоставленных военных чинов», – отмечает историк О.Ф. Соловьёв³⁹. Среди этих «человек десяти» высокопоставленных чинов, тайно посвященных через А.И. Гучкова в масонство, можно отметить уже упоминавшихся нами ранее М.В. Алексеева, Н.В. Рузского, А.М. Крымова, В.В. Теплова⁴⁰.

«Гучков, – пишет в связи с этим Л.П. Замойский, – втянул в Военную ложу генералов Алексеева, Рузского, Крымова, Теплова. В их намерения входило убрать Распутина, заточить царицу, заставить монарха отречься, а на престол возвести его брата Михаила. Себя они мнили регентами при новом государе, а в диктаторы хотели назначить генерала Алексеева. К ним примыкали князь Львов, генерал Ломоносов. Симпатизировал планам отстранения царя и Брусилов»⁴¹.

В 1916 г. на квартире А.М. Горького возникает ещё и так называемый «морской план»⁴², заключавшийся в том, чтобы, заманив Николая II с императрицей Александрой Фёдоровной на военный корабль, арестовать их и отправить в Англию. Но с этим якобы не согласилось английское правительство⁴³.

9 февраля 1917 г. в кабинете председателя IV Государственной думы М.В.Родзянко состоялось совещание лидеров оппозиционных думских фракций. Присутствовали также приглашенные на него генерал Н.В. Рузский и полковник А.М. Крымов. Как вспоминал позднее Н.Д. Соколов, решено было, что «откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Николай будет ехать из ставки, его в районе армии Рузского (т.е. в Пскове – Б.В.) задержат и заставят отречься. Крымову отводилась какая-то большая роль».

Наведя справки в Государственной думе и земских кругах, Соколов узнал, что во главе заговора стояли А.И. Гучков и М.В.Родзянко. С ними был связан Родзянко-сын, который создал целую организацию из старших офицеров.

А.М. Крымов, который и должен был арестовать царя, намечался заговорщиками в генерал-губернаторы Петербурга с тем, чтобы его руками быстро очистить город от неблагонадёжных элементов. «В момент переворота всякое новое правительство слабо. Надо ударить решительно, чтобы возможные противники испугались, а то и уничтожить их», – отмечал А.И. Гучков. Во всяком случае позднее на вопрос собеседника, зачем им нужен был именно Крымов, он ответил, что тот «не постеснялся бы кого нужно без долгих разговоров вздёрнуть»⁴⁴.

Свидетельство Н.Д. Соколова подтверждается отчасти и воспоминаниями об этом А.Ф. Керенского: «Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с первого ноября 1916 г. по 26 февраля 1917 г., – отмечал он, – надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции». В начале января 1917 г.

в Петрограде появился вместе с группой офицеров уже популярный в то время полковник А.М. Крымов – командующий 3-м кавалерийским корпусом на Юго-западном фронте. На состоявшейся встрече с лидерами оппозиционных думских фракций А.М. Крымов, свидетельствует А.Ф. Керенский, «от имени армии призвал Думу безо всякого промедления совершить переворот, заявив что в противном случае у России нет шансов победить в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения А.М. Крымова»⁴⁵.

Правда, А.И. Гучков в своих воспоминаниях отрицал причастность А.М. Крымова к заговору. Однако историки (А.В. Смолин, С. Ляндерс) полагают, что слишком доверять его рассказу нельзя, так как отрицая участие А.М. Крымова в заговоре генералов, А.И. Гучков тем самым «скорее намеренно преуменьшает практическое значение и последствия заговора»⁴⁶. Впрочем, справедливости ради, следует отметить: оговорившись, что лично он А.М. Крымова в свои заговорщические планы не посвящал, А.И. Гучков в то же время, допускал, что в планы эти его вполне могли посвятить другие, в частности, А.И. Терещенко. «Я склонен думать, что он знал, но отрицаю, что он участвовал», – утверждал А.И. Гучков⁴⁷. Основываясь на личных беседах с бывшими руководителями думского масонства, Б.И. Николаевский был твёрдо уверен, что «в месяцы, предшествовавшие марту 1917 г., руководители организации развернули энергичную деятельность, торопясь с осуществлением планов переворота сверху». Сдерживали же их, по его мнению, умеренно настроенные лидеры Прогрессивного блока (прежде всего П.Н. Милюков), доказывавшие, что возможности влияния на Николая II далеко ещё не исчерпаны. «На этой почве, – подчёркивал Б.И. Николаевский, – произошло размежевание между руководителями масонства и лидерами Прогрессивного блока, часто в пределах одной и той же партии»⁴⁸.

Ничего необычного в повороте «головки» российского масонства к заговорщической тактике накануне 1917 г. не было: придумать что-либо другое в сложившихся общественно-политических реалиях той поры было едва ли возможно. Тем не менее признать русских политических масонов заговорщиками решаются далеко не все исследователи. Отсюда странный вывод А.И. Серкова о некоем исчезновении или перерождении русского масонства как раз накануне 1917 г. в узкую «политическую группу». Если поверить А.И. Серкову, то никаких масонов к 27 февраля 1917 г. в России просто не было. «В январе-феврале 1917 г., – пишет он в одной из своих последних работ, – произошёл переход от политического масонства к политической группе»⁴⁹. Вот так-то читатель! Когда велась подготовка к перевороту, масоны в нашей стране вроде ещё были, а когда наступил наконец решающий момент по взятию этой власти, масоны сразу куда-то исчезли. И всё, что происходило в 1917 г. в нашей стране, не имеет к масонам, по А.И. Серкову, никакого отношения. «Анализ мемуарных свидетельств, – пишет он далее, обосновывая свою точку зрения, – показывает, что Великий восток народов России не создавался как надпартийная политическая организация (то есть был всё-таки масонской структурой – Б.В.), но постепенно удаляясь от чисто масонских задач приобрел характер политического объединения в 1915–1916 гг.» Первоначально же, т.е. в 1912–1914 гг., в постановке задач своей организации руководители её, считает А.И. Серков, стояли на масонской платформе и всячески стреми-

лись «следовать идеям Великого востока Франции и Великой революции 1789 г.» в их первобытном неискажённом виде. И только активное участие Великого Востока народов России в политической борьбе привело к революционизированию этой масонской организации. В результате «точка зрения некоторых масонов», что их организация носит определённо революционный характер и должна стремиться к насильственному перевороту, стала в конце концов преобладающей⁵⁰. Это-то, по А.И. Серкову, и погубило русское думское масонство. «Окончательный отход Великого Востока народов России от масонства даже в его наиболее политизированных формах произошел в январе-феврале 1917 г., – пишет в этой связи А.И. Серков. – Число лож сократилось до 28–30, но работа в организациях стала более интенсивной. В этих условиях Верховный совет принял решение оставить в ячейках общества лишь лиц, пригодных для будущей административной работы». Отмечены ими попытки «братьев» устраивать у себя в целях усиления своего влияния на общественное мнение и более широкие собрания «прогрессивной общественности» (в частности, у Н.Д. Соколова) на которые приглашались не только масоны, но и им сочувствовавшие⁵¹.

Прямо скажем, выглядит всё это не слишком убедительно. На самом деле именно 1917 г., как справедливо утверждала Н.Н. Берберова, оказался для русских масонов настоящим апогеем их деятельности⁵². Согласен с этим и такой осторожный исследователь, как В.И. Старцев. Влияние масонов на политическую жизнь двух столиц и ряд других городов было накануне февраля 1917 г. «максимальным», констатирует он⁵³.

Первый «звонок» для царизма прозвенел в ночь 16–17 декабря 1916 г., когда группой заговорщиков (великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф.Ф. Юсупов и член Государственной Думы В.М. Пуришкевич) был убит пользовавшийся влиянием на царя Григорий Распутин. Несмотря на то, что собственно масонов среди убийц Г.Е. Распутина не было, само убийство расценивается некоторыми исследователями как своего рода подготовительный этап на пути к осуществлению задуманного ими государственного переворота. Убийство Г.Е. Распутина «задумала известная группа лиц, к которой принадлежал в качестве консультанта-соучастника, член кадетского ЦК масон В.А. Маклаков. В курсе был и П.Н. Милюков», – отмечает, например, О.Ф. Соловьёв⁵⁴. К этому можно добавить, что В.А. Маклаков, этот масон-«гуманист» был не только советчиком-консультантом убийц Г.Е. Распутина, но, в известном смысле, и подстрекателем этой акции, так как лично вручил Феликсу Юсупову возможное орудие убийства – бандитский «кистень с двумя свинцовыми шарами»⁵⁵. А ведь адвокат, масон и вроде бы даже приличный человек, но и он почему-то считал, что убить «плохого» человека не такой уж и большой грех. Между тем Г.Е. Распутин, как бы к нему ни относиться, никого никогда не убивал, закона Божественного и человеческого не преступал и как бессудная жертва именно в этом нравственном смысле стоит на недостижимой высоте по сравнению со своими убийцами и рукоплескавшей им в то время «прогрессивной» общественностью.

Важно ещё раз подчеркнуть, что руководство Верховного совета (А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов) было полностью осведомлено как о плане убийства Г.Е. Распутина, так и планах переворота, готовившегося «гражданским» и «военным» кружками, и регулярно сообщало о них «братьям»⁵⁶. Некоторая же растерянность Верховного совета ВВНР в первые

дни революции объясняется тем, что готовилась она, как мы уже знаем, не на февраль, а на апрель 1917 г. «Революция произошла на две недели слишком рано», – сетовал впоследствии А.И. Гучков. Однако говорить о неподготовленности заговорщиков к революционным событиям февраля-марта 1917 г. у нас нет никаких оснований. Ведь к этому времени помимо Государственной думы под контролем масонов находились армия, флот, большая часть прессы, а также такие влиятельные общественные организации русской буржуазии, как Всероссийский земский союз во главе с князем Г.Е. Львовым и Центральный Военно-промышленный комитет во главе с А.И. Гучковым. С масонами был связан и председатель московского Военно-промышленного комитета крупный фабрикант Павел Рябушинский, издававший газету масонско-либерального толка «Утро России».

Таким образом, констатирует современный историк П.В. Мультиатули, к концу 1916 г. против Николая II «был организован заговор, инициатором которого был “Прогрессивный блок” и верхи буржуазии, поддерживаемые Антантой»⁵⁷. Что касается вовлеченности в заговорщические планы лидеров «Прогрессивного блока», то здесь речь должна все же идти о его левой, кадетской части, хотя совсем уж исключать участие в их разработке отдельных представителей других партий, в частности октябристов, видимо нельзя.

Непосредственная подготовка заговора велась уже с сентября 1916 г. Осуществляла её, напомним, так называемая заговорщическая группа Гучкова (А.И. Гучков, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасов, князь Д.Л. Вяземский и штаб-ротмистр П.П. Коцебу). 100-процентными масонами среди них были М.И. Терещенко и Н.В. Некрасов. Под подозрением же – все, кроме П.П. Коцебу⁵⁸. Из военных в заговор были вовлечены начальник Генерального штаба М.В. Алексеев, командующий Северным фронтом Н.В. Рузский, генерал А.А. Маниковский, полковник А.М. Крымов и ряд других высокопоставленных офицеров армии и флота.

Несомненным участником заговора был и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. Во всяком случае последнее совещание заговорщиков 9 февраля 1917 г. с участием генералов М.В. Алексеева, Н.В. Рузского и полковника А.М. Крымова, происходило именно в его кабинете. Было «решено, что откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Николай будет ехать из Ставки, его в районе армии Рузского задержат, и заставят отречься. Крымову (отводилась) какая-то большая роль», – отмечал в своих беседах с Б.И. Николаевским Н.Д. Соколов⁵⁹.

Одним словом, о существовании заговора в январе – феврале 1917 г. знали, можно сказать, все, кроме... самого царя, который спокойно уехал 22 февраля в Ставку. 23 февраля 1917 г. он был уже в Могилеве. Собравшиеся в этот же день в гостях у П.П. Коцебу офицеры, узнав об отъезде царя в ставку, сошлись во мнении, что в Царское Село императором оттуда ему уже не вернуться⁶⁰. Так оно, как мы теперь уже знаем, и произошло.

¹ Орион. Розенкрейцеры // Русское знамя. – 6 декабря 1916. – С.2.

² Там же. – С.3.

³ Брачев В.С. Прошлое и настоящее русского масонства (1731–2006). – СПб., 2006. – С. 448–495.

⁴ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века // Историки отвечают на вопросы. – М., 1990. – Вып.2. – С.152.

- ⁵ Серков А.И. История русского масонства (1845–1945). – СПб., 1997. – С.116–117.
- ⁶ Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1985. – Кн.161. – С.235.
- ⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. – СПб., 1996. – С.160.
- ⁸ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М., 1997. – С.31.
- ⁹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. – Париж, 1931. – С.149, 180, 185.
- ¹⁰ Журина Н.Г. Масоны и Февральская революция в России // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. – Вып.2. – М., 1992. – С.158–159; Старцев В.И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. – СПб., 2001. – С.109–136.
- ¹¹ Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. – 1998. – №11–12. – С.39.
- ¹² Там же. – С.19.
- ¹³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.63.
- ¹⁴ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж, 1931. – С.185.
- ¹⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.65–66.
- ¹⁶ Русское политическое масонство начала XX века (1906–1918 гг.). Вступительная статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. – 1990. – №1. – С.146.
- ¹⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. – С.140.
- ¹⁸ Серков А.И. История русского масонства (1845–1945 гг.). – СПб., 1997. – С.119.
- ¹⁹ Серков А.И. История русского масонства (1845–1945 гг.). – СПб., 1997. – С.119.
- ²⁰ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.88–89.
- ²¹ Там же. – С. 92–96.
- ²² Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.143.
- ²³ Александр Иванович Гучков рассказывает. – М., 1993. – С. 31, 32, 121.
- ²⁴ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М., 1997. – С.152.
- ²⁵ Аврех А.Я. Масоны и революция. – М., 1990. – С.82–82.
- ²⁶ Там же. – С.93–96.
- ²⁷ Красный архив. – 1928. – Т. 1 (28). – С.211–212.
- ²⁸ Аврех А.Я. Масоны и революция. – М., 1990. – С.93–96.
- ²⁹ Там же. – С.102.
- ³⁰ Там же. – С.93, 96.
- ³¹ Шубин А. Мифы Февральской революции // Масоны и Февральская революция 1917 г. – М., 2007. – С.256.
- ³² Куликов С.В. «Революции неизменно идут сверху»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. – №11. СПб., 2007. – С.151–152.
- ³³ Список русских политических масонов лож французского обряда и Великого Востока народов России // Старцев В.И. Тайны русских масонов. – СПб., 2001. – С.140.
- ³⁴ Список лиц, принадлежавших или подозреваемых в принадлежности к российскому масонству // Из глубины времен. Альманах. Под ред. А.В. Островского. – Вып.1. – 1992. – С.182.
- ³⁵ Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). – СПб., 2001. – С.65.
- ³⁶ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. – М., 2003. – С.187.
- ³⁷ Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. – СПб., 1998. – С.423.
- ³⁸ Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. – 1998. – №11–12. – С.38.
- ³⁹ Соловьёв О.Ф. Русское масонство 1730–1917 г. – М., 1993. – С.183.
- ⁴⁰ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М., 1997. – С.43.
- ⁴¹ Замойский Л. Масонство и глобализм. Невидимая империя. – М., 2001. – С.302.
- ⁴² Смолин А.В. Морской заговор: факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России XX века. Сборник научных статей. – СПб., 2005. – С.99–127.
- ⁴³ Замойский Л. Масонство и глобализм. Невидимая империя. – М., 2001. – С.303.
- ⁴⁴ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.95–96.
- ⁴⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. – М., 1993. – С.106.
- ⁴⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает. – М., 1993. – С.134. Прим.

- ⁴⁷ Там же. – С.23.
- ⁴⁸ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.41–42.
- ⁴⁹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. – М., 1997. – С.122.
- ⁵⁰ Там же. – С.109.
- ⁵¹ Там же. – С.122.
- ⁵² Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М., 1997. – С.30.
- ⁵³ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. – СПб., 1996. – С.148.
- ⁵⁴ Соловьёв О.Ф. Русское масонство 1730–1917 г. – М., 1993. – С.250.
- ⁵⁵ Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. – Париж. – 1928. – Кн.34. – С.271–272.
- ⁵⁶ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.68–69.
- ⁵⁷ Мультигули П.В. «Господь да благословит решение моё...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. – СПб., 2002. – С.236.
- ⁵⁸ Список лиц, принадлежавших или подозреваемых в принадлежности к российскому масонству // Из глубины времен. Альманах. Под ред. А.В.Островского. – Вып.1. 1992. – С.182–187.
- ⁵⁹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990. – С.95–96.
- ⁶⁰ Верховский А.И. На трудном перевале. – М., 1959. – С.228.